

Секция «История»

Социальный портрет репрессированных в ходе «Большого террора»: сравнительный анализ баз данных по «Книгам памяти» двух регионов

Лягушкина Людмила Алексеевна

Студент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет, Москва, Россия
E-mail: luskom@gmail.com*

Политические репрессии 1937-1938 гг., получившие по названию книги Р. Конквеста наименование «Большой террор», остаются одной из наиболее острых проблем отечественной истории XX века. На эту тему написаны сотни работ, однако, многие аспекты этого процесса остаются малоисследованными и по сей день, в первую очередь из-за засекреченности архивных документов. Большинство историков в своих работах уделяют внимание прежде всего политической стороне событий, анализируют роль Сталина и поведение подсудимых в так называемых «открытых процессах», а также обсуждают вопрос о многочисленных жертвах репрессий из интеллигенции. Основная же масса пострадавших - из крестьян, рабочих, мелких служащих - часто отходит на второй план. Поэтому изучение именно социального аспекта массовых репрессий представляется чрезвычайно актуальным.

Краткие биографические сведения об основной массе репрессированных уже двадцать лет собирают общественные организации и государственные комиссии, а затем их публикуют в так называемых книгах памяти, организованных в основном по региональному принципу. Правозащитное общество «Мемориал» объединило данные из большинства опубликованных и некоторого количества неопубликованных книг памяти и издало диск «Жертвы политических репрессий в СССР». Эта объемная база данных (в формате MySQL) и стала основным источником данной работы. Также использовались сборники опубликованных документов по истории «Большого террора».

Всего база данных «Мемориала» содержит сведения о 2 614 978 людях, репрессированных в годы советской власти, однако только часть из них были арестованы в конце 1930-х гг. Всего в 1937-1938 гг. органами НКВД было арестовано 1 575 259 человек, из них к расстрелу приговорено 681 692 человека[1]. БД содержит неполные сведения о жертвах «Большого террора»: около 230 тыс. записей о расстрелянных (33% от общего их числа) и еще 220 тыс. записей об арестованных, но не расстрелянных (28%; как правило, их приговор сводился к 10 годам лагерей). В некоторых регионах книги памяти не издавались или были заведомо неполными, однако по ряду областей и республик (около 15) выборка представляется достаточно полной.

На данном этапе исследования было решено проанализировать данные о репрессиях в двух регионах – Горьковской области и Башкирской АССР. Из большой базы MySQL были выделены две соответствующих коллекции записей, которые были конвертированы в формат СУБД Access. Можно утверждать, что данные книг памяти этих регионов достаточно репрезентативны. В ходе «кулацкой операции» (приказ 00447), «польской» и «немецкой» операций, по «сталинским расстрельным спискам» в Горьковской области было арестовано 11694 человек, в Башкирии – 10451. В книгах памяти Нижегородской

области содержится информация о 11417 арестованных (98%), в Башкирских – 11444 (110%). Превышение шкалы в 100% может быть объяснено в первую очередь тем, что исследователям доступна статистика НКВД по «кулацкой операции» только на 1 июля 1938 г., а «Большой террор» продолжался и позже (до конца 1938 г.).

На основании кратких биографических справок был составлен социальный портрет жертв репрессий в двух указанных регионах.

«Кулацкая» и другие масштабные репрессивные операции регламентировались приказами из центра [2], и в двух регионах динамика процессов схожа. В Башкирской области кульминации арестов приходятся на ноябрь-декабрь 1937 г., относительный всплеск наблюдается в июне 1938 г., в Горьковской – абсолютное большинство арестованных было в декабре 1937 г., а затем прослеживается резкий спад арестов, который продолжался до самого конца интересующего нас периода.

Как показал анализ сведений сформированных БД, большинство арестованных в обоих регионах родились в 1890-х гг. (по 28%). Количество репрессированных женщин в Горьковской области несколько больше, чем в Башкирии – 8% против 5%. Как минимум 60% арестованных в Башкирии родились в сельской местности, и только 6% - в городе, при том, что в 33% случаев установить принадлежность к городу/деревне по источнику не удастся. В Горьковской области примерно при той же доле отсутствующих сведений (35%) картина иная – 46 % арестованных выходцы из деревни, и 19% - из города.

В кратких биографических справках отсутствуют данные о социальном положении репрессированных, поэтому основное внимание было уделено графе «место работы». Часть ячеек этой графы в книгах памяти заполнено названиями профессий и предприятий, а часть – обобщенными характеристиками (крестьянин, рабочий и т.д.). Поэтому была использована специальная классификация профессий, основанная на материалах источника. В самых общих чертах стоит заметить, что в Башкирии 32% репрессированных составляли колхозники, еще 8% - крестьяне-единоличники. В Горьковской области их доля составляла только 20%.

По национальному составу среди репрессированных в Башкирии лидируют русские – 40%, башкиры – 17%, татары – 15%. В Горьковской области большинство репрессированных – русские (70%), на втором месте – поляки и немцы (по 3%), на третьем – евреи (2%) при 12% отсутствующих данных. 37% арестованных в Башкирии были неграмотными, еще 40% имели начальное образование, 17% имели среднее или неоконченное среднее, и только 4,5% - высшее или неоконченное высшее.

Примерно сопоставимой была степень жестокости репрессий в двух регионах. В Горьком было расстреляно 36% арестованных, в Башкирии – 33%. В Горьком при отсутствии 17% данных 60% репрессированных было осуждено «тройками», 8% - особым совещанием.

Таким образом, сведения электронной БД показывают сходство репрессивной политики в двух регионах, различных по национальному составу, экономическому профилю и социальной структуре населения. Основными жертвами репрессий были представители малообразованных слоев сельского населения, которым было около 50 лет, и, как правило, они были крестьянами или мелкими служащими. Эти данные опровергают распространенное в публицистической и околонушной литературе мнение о том, что от репрессий страдали в основном люди, занимавшие руководящие должности или от-

личавшиеся «вольнодумством» слои интеллигенции. На следующем этапе работы изучение «региональных срезов» «Большого террора» будет продолжено по материалам других книг памяти.

Литература

1. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов: В 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / Ответ. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. М., 2004. С. 609.
2. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. 1937-1938 / Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов. М., 2004.